

Издание знакомит широкий круг лингвистов с работами норвежского слависта Альфа Граннеса. Исследования, составившие объемный том, были написаны и опубликованы в период с 1974 по 1996 гг., однако, как отмечает сам автор в предисловии, они «в силу ряда причин нередко оставались недоступными российским специалистам».

В большинстве исследований внимание автора сосредоточено на описании русского языкового узуса XVIII в.

А. Граннес замечает, что по сравнению с 70-ми гг. нашего столетия, после появления работ В.М. Живова, Б.А. Успенского, Г. Хютль-Фолтер, после выхода первых выпусков «Словаря русского языка XVIII века» (см. также ряд других изданий Академии наук РАН, например: [Язык русских писателей XVIII в. 1981; Литературный язык XVIII в. 1982; Функциональные и социальные разновидности.... 1984]) наука значительно продвинулась в изучении языка XVIII в.

История русского литературного языка, несмотря на очевидную преемственность этапов его развития, нельзя представить себе как некую сплошную непрерывную линию. Точка перелома этой линии, т.е. перехода от традиционного книжного языка (литературного языка средневековья) к собственно истории литературного языка нового типа приходится на XVIII в. Вместе с тем, понятие «точка перелома» не имеет объяснительной силы, если необходимо проследить, как именно происходило становление нормы литературного языка нового типа, т.е. при описании пласта диахронии как ряда синхронных процессов, вызванных некоторыми лингвистическими и внелингвистическими причинами.

Несмотря на то, что наука в настоящее время располагает описаниями эволюции культурно-языковой ситуации XVIII в., а также отдельных фрагментов языковой нормы, полная история русского литературного языка XVIII в. (в частности история центрального уровня языка – морфологии) еще не написана. Несомненно, создание такого труда является одной из самых актуальных задач современной русистики. В этом смысле выход в свет книги А. Граннеса, посвященной, главным образом, русскому языку XVIII в., является значительным событием – не только чисто научным, но и символическим, поскольку

издание привлекает внимание исследователей к проблематике, которая в значительной степени по-прежнему остается тем, что называется *terra incognita*.

Издание открывается монографическим исследованием «Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII в.», впервые опубликованным на русском языке в Норвегии в 1974 г.¹ Уже сама постановка проблемы, принципы отбора круга источников и обоснование метода исследования позволяют обратиться к ряду теоретических проблем изучения языка второй половины XVIII в., таким, как соотношение кодификации и узуса, в том числе в языковом сознании отдельных носителей языка; вариативность и норма; становление противопоставления литературный язык/язык литературы и др.

В исследовании анализируется язык 40 комедий и комических опер, появившихся в период с 1750 по 1798 гг. Выбор в качестве материала исследования определенного литературного жанра – особенность, традиционно свойственная многим работам, посвященным языку XVIII в. При таком подходе исследователь стоит перед решением нескольких проблем: осмысления линии преемственности жанра и степени новаторства; определения границ жанра и классификации составляющих его текстов и только затем выявления типичных языковых черт. Последняя задача представляется достаточно сложной, поскольку необходимо сравнить корпус языковых черт не только с макро-, но и с микро-культурно-языковым контекстом, т.е. не только с корпусом языковых черт, свойственных другому жанру, но и с особенностями языковой практики отдельных авторов. Наконец, возникает вопрос о соотношении языка определенного литературного жанра с реальным живым узусом.

Язык комедий и комических опер второй половины XVIII в. уже попадал в сферу внимания лингвистов. Обзор истории становления жанра, а также этапов его изучения представлен в пространном «Введении» к монографии (главы «Краткий обзор

¹ В свое время выход монографии стал значительным событием в русистике. Рецензии на монографию были напечатаны во многих специализированных изданиях, в том числе в «Вопросах языкознания», «Russian linguistics», «Slavia orientalis» и др.

истории русской комедии и комической оперы второй половины XVIII в.» и «О языке русской комедии и комической оперы второй половины XVIII в.»).

Жанр комедии рассматривается А. Граннесом как совершенно новое для русской культуры явление, вызванное к жизни необходимостью обеспечить репертуаром созданный в 1756 г. в Петербурге профессиональный театр. Знаком новаторства традиции является, по мысли автора, обращение к западноевропейской, в первую очередь французской, драматургии при отказе от традиций «народных игрищ» и «школьной драмы». Таким образом, А. Граннес видит историю жанра как историю пересаживания заимствованного феномена на русскую почву (т.е. так называемого «склонения на русские нравы»). При этом автор отвлекается от предьстории жанра, включающей, например, репертуар труппы Кунста-Фюрста, в котором уже присутствовало комическое начало, знакомство русского общества с комедией масок, а также опыта ранних переводов западных комедий (например, «Смешных жеманниц» и других пьес Ж.-Б. Мольера), где была предпринята попытка создания особого «галантерейного» стиля (ср. еще первые «драммы» Тредиаковского, относящиеся к 1730-м годам).

Исходя из идеи «склонения» комедии «на русские нравы», автор совершенно справедливо считает необходимым обращать внимание на степень оригинальности принципов языкового построения текста. Так, например, в языке комедий внимание лингвистов обычно привлекает лексический уровень как средство характеристики персонажей, в той или иной степени отражающее особенности речи некоторых социальных слоев. Отмечая тенденцию к лексическому обособлению речи слуг, представленную в языке русских комедий, А. Граннес указывает на существующую во французской драматургии, начиная с эпохи Мольера, традицию маркирования речи крестьян при помощи какого-либо местного говора и предполагает, что «русские переводчики и комедиографы не могли не обратить внимания на этот своеобразный прием речевой характеристики». Вместе с тем, А. Граннес далек от того, чтобы видеть в речи крестьян портрет узуса той или иной диалектной зоны. Несмотря на то, что отдельные элементы находят соответствия в диалектах (например, нажимки-работники из комедии В.И. Лукина «Щепетильник» «говорят на галичском говоре»), по мнению исследователя, следует говорить о процессе создания некоторого «условного крестьян-

ского языка» ("stage rustic" в терминологии Д. Уэлша). В западноевропейской драматургии находятся соответствия и для галлицизированного щегольского жаргона (например, француженско-датская речь главного персонажа пьесы Гольберга "Jean de France"), и для речевого изображения педанта (так, пишет автор, «славенский» язык русских педантов соответствует латинизированному французскому языку французских педантов вроде Панкраса в комедии Мольера "Le mariage forcé").

Вместе с тем, перенесение некоторых принципов западной драматургии на русскую почву только подчеркивает оригинальность языковой ситуации, поскольку выработка отдельных стилистических приемов шла практически одновременно со становлением собственно литературной нормы, чем объясняются, в частности, расхождения между авторами в трактовке отдельных языковых элементов.

Ставя перед собой задачу описать «масовые» языковые черты, т.е. черты, предположительно отражающие непосредственный речевой узус, автор отбирает для исследования «второклассные» комедии малоизвестных и неизвестных комедиографов, делая исключение лишь для узкого круга произведений А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина и В.В. Капниста. Сформированный корпус текстов в дальнейшем предстает как нечто целостное, т.е. иначе говоря, как единый континуум.

Особенностью монографии является обращение не к лексическому, а к фонетическому и морфологическому уровням языка, среди элементов которых выделяются диалектные и просторечные. Понятие просторечия понимается исследователем довольно широко. Следуя определению Ю.С. Сорокина, А. Граннес относит к просторечию элементы разговорной речи, «которые противостоят нейтральным формам книжного языка и его общим нормам», а также «русские формы в их отличии от церковнославянских форм высокого стиля» или, в иной формулировке, пласт элементов, формировавших ломоносовский «низкий штиль». Таким образом, понятие просторечия оказывается довольно расплывчатым, учитывающим одновременно позицию внешнего исследователя и языковое сознание современника. Вместе с тем, следует признать, что обе позиции в силу своей абстрактности, имеют малую практическую объяснительную силу. Действительно, трудно сказать с полной определенностью, что являлось «общей нормой» или же «нейтральной формой книжного языка» в

исследуемый период. Кроме того, точно также сложно ориентироваться и на концепцию Ломоносова, поскольку вопрос о ее адекватности языковой практике отдельных авторов (в том числе и самого Ломоносова) является отдельной проблемой, требующей специального комментирования. Собственно, само исследование А. Граннеса служит именно для прояснения этого комплекса вопросов.

Автор отдает себе отчет в том, насколько сложным оказывается выбор отправной точки. Особенно очевидно это становится, когда возникает необходимость определить, какая группа явлений должна быть отнесена к диалектизмам. Поэтому А. Граннес, указав на такие характеристики диалектизмов, как "локальная ограниченность" и "противостояние нормам литературного языка", обращает внимание читателя на некорректность перенесения современной диалектной картины на два века назад, а также на приблизительность использования терминов литературный / нелитературный применительно к рассматриваемой эпохе и декларирует: "В XVIII веке нет определенной, четкой границы между диалектными, просторечными и стилистически нейтральными элементами языка".

Вместе с тем, условность толкования терминов, вынесенных в заглавие монографии, не мешает А. Граннесу точно сформулировать принципы отбора языкового материала. Это три принципа, вытекающие из трех разных подходов к исследованию языка XVIII в. Во-первых, исходя из метода реконструкции языкового сознания эпохи при помощи анализа основных грамматических трактатов, автор отбирает те языковые элементы, которые активно обсуждались кодификаторами. Во-вторых, обращаясь к исторической грамматике, исследователь останавливает свое внимание на тех особенностях структуры языка, которые в научных исследованиях характеризуются как маркированные. Наконец, исходя из необходимости учитывать индивидуальное языковое сознание, А. Граннес принимает во внимание возможное влияние диалектной основы языка отдельных авторов (например, установленные уже особенности московского наречия указанного периода для драматургов-москвичей).

Кроме того, А. Граннес обращается к формальным особенностям комедий. Так, оказываются рассмотренными те элементы фонетики и морфологии, которые "могли применяться в характерологических функциях".

Таким образом, исследование посвящено

языковым элементам, которые, в силу какой-либо причины или комплекса причин, могут претендовать на статус стилистического маркера ("style markers"). В соответствии с общей установкой, каждое явление иллюстрируется богатым материалом и снабжается комментариями двух планов: синхронного (языковое сознание эпохи) и диахронного (позиция исследователя), так что в целом читателю предлагается своего рода компендиум, в котором рельефно представлен весь спектр иллюстраций и суждений о них.

В разряд фонетических маркеров попадают пятнадцать фонетических явлений, среди которых аканье; иканье; яканье; оканье; ёканье; цоканье; дзеканье; утрата интервокального *j* и последующее стяжение двух гласных в один; утрата интервокального *v*; "сокращенные" формы родительного и дательного падежей притяжательных местоимений *маво*, *маму*; формы личного местоимения 2 лица *те*, *тя*; замена фонемы *ф* фонемой *х*.

Обсуждая вопрос об аканье, автор предполагает, что использование этой фонетической черты для передачи речи отдельных персонажей может быть интерпретировано как попытка изобразить южнорусское диалектное произношение (недиссимилятивное аканье) либо как стремление передать живую, разговорную речь.

Приведенные А. Граннесом сведения можно сопоставить с результатами исследований М.В. Панова, который анализирует в книге "История русского литературного произношения XVIII–XX вв." комедию А.Д. Копьева 1794 г. "Что наше тово нам и не нада", где аканье господствует (в корпусе текстов А. Граннеса данный автор представлен другой пьесой). Вместе с тем, аканье персонажи комедии по-разному: "просторешники более усердно", чем другие (см. [Панов 1990: 307]). М.В. Панов выдвигает гипотезу: быть может, "просторечные" герои акают по-московски (провинциально), а другие персонажи – по-петербургски, менее выражено?

Любопытно, что, согласно наблюдениям М.В. Панова, наиболее акающими персонажами в пьесе Копьева являются две женщины. Известно, что именно женщины приписывается введение акающего произношения в литературную норму, см. об этом, например [Алексеев 1984: 84 и сл.]. А. Граннес специально не останавливается на этом вопросе, однако приводит мнение А. Сумарокова о том, что именно женщины отличаются невниманием к письменным формам языка и пишут "как попало",

например, "Матушка моя галубушка пажалуй атпиши камне...".

Таким образом, оказывается важным по возможности точно интерпретировать статус аканья, а также отражения этого фонетического явления на письме. Следует, видимо, различать, отдельные виды аканья, статус которых мог быть неодинаков. Что же касается "московского аканья", то интересно сопоставить мнение Ломоносова, поместившего данное фонетическое явление в зону "предпочтительного выговора", с данными языковой практики, отражающей отношение к аканью как к социально маркированному элементу (речь слуг; речь женщин)² или как к явлению своего рода общерусского разговорного койне³. Отметим также, что в книге М.В. Панова обращается внимание на еще одну грань проблемы, а именно, на эволюцию собственно сценической нормы произношения от окающей к акающей [Панов 1990: 302].

В области морфологии рассматриваются маркированные именные и глагольные формы (родительный и предложный падеж имен существительных мужского рода на -у; формы именительного-винительного падежа единственного числа *имё, семё*; родительный падеж множественного числа на -ев, -ов существительных среднего рода; формы синтетической сравнительной степени прилагательных; многократные бесприставочные глаголы; деепричастные формы на -ючи, -ючи; полная форма инфинитива на -ти безударное и др.).

Практически в каждой главе содержится информация, которая уточняет и обогащает известные представления о истории развития того или иного языкового фрагмента и хронологических рамках этого процесса.

Так, например, из исторической морфологии известно, что флексия родительного падежа на -у первоначально характеризовала определенный формальный тип основ (одно- двусложные основы с подвижным ударением); однако с XV в. значительно расширила сферу своего функционирования.

² Есть основания предполагать, что во второй четверти XVIII в. аканье могло осмысляться как особенность речи аристократии, возможно, особого "щегольского" жаргона.

³ На аканье как на одну из основных черт "московского языка" указывает и А.А. Ржевский, автор статьи "О московском наречии", опубликованной в журнале "Свободные часы" за 1763 г. При этом московский язык понимается им именно как язык "разговоров" не только Москвы, но и всей России.

Выявлению групп существительных, активно принимавших эту флексию, посвящено немало исследований. Как частный и даже периферийный факт отмечалось, что данное окончание свойственно заимствованиям. В этой связи кажется очень плодотворным для истории именного склонения вывод о том, что в проанализированных А. Граннесом текстах данная тенденция, т.е. преобладание флексии -у в заимствованных неодушевленных именах существительных мужского рода, представлена большим корпусом примеров (17,14% от общего числа употреблений). Среди таких заимствований достаточное количество новых, в том числе и семантических, возможно, освоенных первоначально в особом щегольском употреблении (например, *амур, ананас, вкус, дискур, интерес, политес*). Тщательное рассмотрение всех аспектов контекстов (таких, например, как лексическое значение существительных, их стилистическая принадлежность, формальная структура, акцентологический тип, синтаксическая конструкция) позволяет автору значительно обогатить аргументы в пользу мнения о том, что переломный момент в истории данного фрагмента именного склонения приходится на вторую половину XIX в., когда флексия окончательно закрепляется за выражением значения партитивности.

О некорректности прямого соотнесения предписаний грамматических трактатов с языковой практикой, а также о сложности выявления некоей стандартной нормы можно судить, например, по материалу, представленному в главе о формах сравнительной степени прилагательных на -ае, -яе от основ не на шипящий.

Статус этих форм широко обсуждался в грамматических трактатах второй половины XVIII в., причем высказывались самые разные мнения. Так, Ломоносов рекомендовал употреблять формы на -ее⁴. Сумароков решительно возражал против выведения формантов -ае, -яе из области нейтральной нормы⁵. В.К. Тредиаковский выступал за позиционное распределение формантов: под ударением -ае, яе, в безударной позиции -ее,

⁴ Заметим, что Ломоносов все же допускал использование форманта -ае, -яе в интересах благозвучия, "ради двух или трех е. первые склады составляющих" [Ломоносов 1755: 92].

⁵ "По чему надлежало писать более, прелестнее и пр. а не боляе и прелестяе, я не знаю..." — писал Сумароков. По его мнению, обсуждаемые формы могли бы служить украшением языка (см. [Сумароков 1787: 46]).

чем и вызвана его критика формы *бесчиние*, использованной Сумароковым. Другие авторы, например, Н. Курганов, А.Д. Байбаков и В.С. Подшивалов, полагали, что формы на *-ае* и *-ее* находятся вне границ литературной нормы. Наконцев, В.П. Светов помещал их в зону "поэтических вольностей".

Вместе с тем, языковая практика может не соответствовать декларируемым нормам⁶. Обращаясь к текстам комедий, А. Граннес отмечает широкое использование суффикса *-ее* и его вариантов при прослеживаемой тенденции плавного исчезновения форм на *-ая*, *-яе* по мере продвижения к концу века. Таким образом, вопреки тому, что историческая диалектология и история кодификации данных форм косвенно указывают на их особую стилистическую отмеченность, проанализированный корпус текстов не подтверждает этой гипотезы для периода второй половины XVIII в. Реальные колебания в степени употребительности форм в языке разных писателей, по мнению А. Граннеса, может объясняться "индивидуальными взглядами на спорный вопрос" (например, доля форм на *-яе* в языке комедий Сумарокова составляет 81,82% от общего количества употреблений форм синтетической сравнительной степени, а в языке комедий Фонвизина – всего 1,35%).

В целом автору удастся провести границы между "узкими элементами жанра" (практически не обсуждавшимися кодификаторами второй половины XVIII в.), использовавшимися исключительно в характерологической функции, и элементами, имеющими иную, неоднозначную функциональную нагрузку. Элементы второй группы попадали в зону внимания кодификаторов и воспринимались ими как "простые" и даже неправильные; тем не менее их следует рассматривать в границах (хотя и на периферии) нормы, соответствующей разговорному употреблению.

Кроме монографии "Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII в." в издание вошел также ряд статей, посвященных проблемам синтаксической и морфосинтаксической вариативности.

Второй раздел книги открывается двумя статьями, посвященными истории категории одушевленности в русском языке: "Неличная одушевленность в русском языке XVIII в."; "Роди мне три сына: одуше-

вленность русских числительных с точки зрения нормы и узуса".

Существующие работы по истории категории одушевленности сосредоточены, как правило, на процессе становления данной категории, в частности, обсуждается хронология помещения названий животных в зону одушевленности [Крысько 1994: 36 и сл.]. Исследование А. Гриннеса позволяет продвинуться вперед по временной шкале по сравнению с древнерусским периодом и составить представление о следующем шаге в развитии категории. В центре внимания автора вариативность $V = И/В = Р$ падежи во множественном числе существительных и прилагательных, относящихся к животным. Устранение вариативности в таких контекстах традиционно считается последним этапом в развитии неличной одушевленности, завершившимся уже в XVII в. А. Граннес убедительно показывает, что примеры вариативности, относящиеся к началу XVIII в. и в некоторой степени учтенные исследователями, не следует считать результатом описки или других случайных причин. Рассмотрение материала, относящегося к петровскому времени, позволяет прийти к выводу, что в первые два десятилетия XVIII в. категория одушевленности продолжала развиваться, о чем свидетельствует наличие определенных закономерностей в распределении форм.

В статьях "Роди мне три сына..." и "Genetivus temporis в русском языке XVIII в." рассматриваются конструкции, позволяющие проследить развитие в русском языке тенденции к аналитизму. Так, в частности, А. Граннес описывает замену падежной конструкции *genetivus temporis* (прошлого года) предложными конструкциями (в прошлом году) и распространение последних, относя отмирание родительного времени к XVIII – началу XIX вв. (ср. характеристику явлений того же плана на материале современного языка в [Гловинская 1996: 240 и сл.]).

Основной корпус статей имеет предметом рассмотрения вариативность форм прилагательных и причастий в объектном предикативе: "Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в русском языке (XVIII–XX вв.)"; "Краткие формы прилагательных и причастий в позиции факультативного объектного предикатива в русском языке XVIII в."; "Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в русском языке конца XVIII в. (на материале прозы Радищева и Фонвизина)";

⁶ Ломоносов, например, использовал формы на *-ае*, *-яе*.

"Морфосинтаксическое варьирование в объектном предикативе в русском литературном языке XIX в."; "Обзор морфосинтаксического варьирования в адъективном и причастном объектном предикативе в истории русского и польского языков"; "Морфосинтаксическое варьирование прилагательных и причастий в позиции объектного предикатива в новых славянских языках".

Автор исследует конструкции с факультативным и обязательным предикативом, выделяя эссивную и транслативную конструкции. Данные термины А. Граннес выводит по аналогии с двумя финскими падежами: эссивным и транслативным; передающими, соответственно, значения "состояние или свойство объекта во время совершения действия, обозначаемого глагольным предикатом, причем это состояние и свойство не есть результат глагольного действия" и "состояние или свойство, которое является результатом выраженного глаголом действия". Исследователь анализирует распределение вариативных форм (мертвого/мертвым) в славянских языках в зависимости от типа конструкции. Так, в славянских языках в транслативных конструкциях в случае обязательного предикатива преобладают формы в творительном падеже, тогда как эссивные конструкции допускают варьирование, при этом в южнославянских и западнославянских языках предпочтительным оказывается винительный падеж, а в восточнославянских – творительный. Собранная из ряда очерков история данного фрагмента славянской исторической грамматики включает также главу, в которой рассматривается вопрос о конкуренции полных и кратких форм прилагательных и причастий (мертва/мертвого) на протяжении XVIII–XIX вв.

Кроме того, в книге представлены работы, посвященные варьированию именных форм в составном сказуемом с формами повелительного наклонения связи в русском, белорусском и украинском языках: "Будь умница/умницей"; "Варьирование прилагательных в составном сказуемом с формами повелительного наклонения *будь*, *будьте*" (в соавторстве с К.Б. Ключковой); "Морфосинтаксическое варьирование предикативных прилагательных в конструкциях с формами повелительного наклонения вспомогательного глагола *быць* в белорусском языке"; "Морфосинтаксическое варьирование предикативных прилагательных в конструкциях с формами повелительного наклонения вспомогательного глагола *бути* в украинском языке". В статьях уточняются

особенности использования той или иной формы в современных славянских языках. Так, например, указывается, что вопреки распространенному мнению о преобладании в современном русском языке конструкции с краткой формой прилагательного в значении сослагательного и условно-желательного наклонения (*будь он весел...*), следует говорить скорее о широкой вариативности, ограничивающейся синтаксическими условиями. Роль синтаксического фактора, а именно, наличия/отсутствия распространителей; возможности/невозможности появления распространителя выявляется также и для уточнения условий функционирования той или иной конструкции в современных белорусском и украинском языках. Наблюдения над синхронным материалом дополняются экскурсами в диахронию.

Каждая работа норвежского слависта не может не поражать многосторонностью подхода к каждому языковому явлению, органичным сочетанием методов синхронии и диахронии, а также компаративистики. Подводя итог, можно сказать, что исследования А. Граннеса заполняют отдельные лакуны русистики и, шире, славистики. Книга, несомненно, станет одним из важнейших источников для построения исторической грамматики русского языка XVIII–XIX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.А. 1984 – Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII в. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984.
- Гловинская М.Я. 1996 – Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Литературный язык XVIII в. 1982 – Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л., 1982.
- Ломоносов М.В. 1755 – Российская грамматика. СПб., 1755.
- Панов М.В. 1990 – История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- Сумароков А.П. 1787 – Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Т. 10. М., 1787.
- Функциональные и социальные разновидности... 1984 – Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984.
- Язык русских писателей XVIII в. 1981 – Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981.

Е.Э. Бабаева